

Виктор Король (Київ)

Украинская культурная и общественная жизнь в эвакуации

Чем дальше время отдаляет нас от тех трагических годов Второй мировой войны и ее составной части — Великой Отечественной войны — тем все крупнейшим стает в глазах современных поколений подвиг многонационального народа СССР, в том числе и украинского.

К осмыслению уроков этой войны надо подходить особенно серьезно, так как в условиях строительства в Украине нового демократического общества вопросы нашего исторического прошлого определяют, в значительной степени, и решение тех или других проблем современности. И не только потому, что без прошлого не бывает будущего, а и из-за того, что и теперь мы имеем случаи безответственного и бесцеремонного вмешательства в исследование той войны, когда в угождение тем или иным политическим силам ставятся под сомнение наше героическое самосознание, тесное единение, триумф и трагедия тех времен. Более того, есть и те, кто сомневается в нашей победе, которая была смыслом жизни целого поколения, без подвига и объединения которого вряд ли могла быть независимой Украина.

Не все вопросы той войны изучены в полной мере, с более-менее объективных позиций, некоторые вообще стали исследоваться совсем недавно, на новых источниках, другие позабыты по политическим мотивам. Проблема культурной и общественной жизни в эвакуации в годы Великой Отечественной войны и по сегодняшний день изучена явно недостаточно. Фактически часть, хотя и значительная, украинской интеллигенции находилась в эвакуации в советском тылу. Причем, говоря украинской, надо иметь в виду, что там были люди разных национальностей, проживающих на Украине: украинцы, русские, евреи, белорусы, поляки и др.

Наглядно это можно проанализировать на составе Башкирского педагогического института, в составе которого, в том числе и на факультетах, связанных с культурой, училось 424 русских, 50 башкир, 177 татар, 47 украинцев, 202 еврея и др.¹ Следует также учесть, что именно в Башкирии в эвакуации находилась значительная часть представителей украинской культуры, так же как и в Среднеазиатских республиках, особенно в городах Ташкенте, Алма-Ате, Ашхабаде.

Также следует отметить, что не все выезжали добровольно. Многие не верили, слушая советскую пропаганду, что война затянется, что Киев сдадут, поэтому не хотели покидать родные места. Наиболее известных представителей интеллигенции вывозили силой: акад. К. Студинского, акад. А. Крымского (умер в эвакуации), физиков, химиков, известных деятелей культуры.

Другой характерной особенностью культурной и общественной деятельности представителей Украины было сотрудничество со своими коллегами из других республик. Не надо идеализировать этот процесс. Ведь украинской культуре времен войны, как и другим, было присуще поверхностное, тенденциозное изображение реалий жизни согласно канонам «социалистического реализма», славословие относительно «отца народов», псевдогероизация кровавых будней фронта. Но тем не менее, сотрудничество было и давало свои положительные результаты, особенно в развитии национальных взаимоотношений, культурных достижений, развитии общественной жизни в целом.

Так, при помощи местной власти только в 1943 г. башкирским радио было организовано 108 литературных передач при участии мастеров слова Украины и других республик, во время которых прозвучало 420 художественных произведений на башкирском, татарском, русском, украинском языках².

Сотрудники Среднеазиатского индустриального института, в составе которого было много преподавателей эвакуированных вузов, в частности Киевского индустриального (политехнического) института, составили актив Узбекского научно-исследовательского технического общества, а также участвовали в ряде совещаний по программе разведывательных работ, обеспечивающих базу узбекской черной металлургии, по вопросам проектирования энергосистемы Чирчик–Ташкент–Фархад и др. Профессора и доценты проводили на крупных предприятиях республики работы по внедрению усовершенствованных режимов резания металлов, по модернизации оборудования и станков, выполняли задания по конструирова-

¹ Государственный архив Башкирии, ф. 122, оп. 23, д. 392, л. 65.

² Там же, д. 376, л. 35.

нию и технологии новых видов вооружения. Группа узбекских, русских и украинских ученых исследовала работу Комсомольской и Тавакской электростанций, что обусловило возрастание их мощности на 15–20%³.

Следует отметить, что объединенными усилиями работников учебных заведений как местных среднеазиатских, так и эвакуированных, всего за годы войны вузы Советского Союза подготовили 842 тыс. специалистов высшей и средней квалификации. А также было защищено 12 116 докторских и кандидатских диссертаций⁴. И не последнюю роль в этом процессе сыграли передовые украинские вузы.

Значительный вклад в дело развития и укрепления культурных взаимосвязей внесли мастера литературы и искусства, находившиеся в годы войны на территории братских республик. Одной из важных форм этого процесса была подготовка национальных кадров.

В марте 1942 г. в Ташкенте было создано отделение издательства «Советский писатель». В 1943 г. там изданы стихи Я. Голодного «Стихи об Украине», произведения М. Юфита «Он должен победить» и др.⁵ В это время в Узбекистане работали украинские писатели И. Ле, Н. Терещенко, А. Ильченко и др. Совместно с другими и коллективом издательства «Советский писатель» (Ташкентское отделение) они с марта 1942 по май 1943 г. подготовили к печати 52 произведения, в том числе пьесу А. Корнейчука «Фронт», статьи И. Эренбурга, А. Толстого, Н. Терещенка и др.⁶ Помимо переводов и выпуска в свет произведений писателей братских республик СССР издательство постоянно оказывало помощь узбекским литераторам в создании произведений на темы войны. Помощь эта носила самый разнообразный характер: консультации молодых авторов Узбекистана со стороны А. Толстого, Вс. Иванова, К. Чуковского и других видных мастеров; обсуждение представленных в издательство рукописей при участии начинающих авторов; помощь в составлении индивидуальных творческих планов и т. д.⁷

Подобную работу осуществляли мастера слова и в других республиках. В Казахстане Г. Мусрепов осуществил перевод ряда произведений В. Василевской, Н. Забилы, Н. Титов — песен и выступлений казахских акинов (певцов-импровизаторов), Н. Сильченко завершил монографию «Абай»⁸.

³ *Король В. Е.* Сила великой дружбы. — К., 1985. — С. 37.

⁴ *Савельев В. М., Саввин В. П.* Советская интеллигенция в Великой Отечественной войне. — М., 1974. — С. 233–234.

⁵ Государственный архив Узбекистана, ф. 58, оп. 19, д. 935, л. 161.

⁶ Там же, л. 165, 170.

⁷ *Король В. Е.* Указ. соч. — С. 82.

⁸ Государственный архив Казахстана, ф. 1778, оп. 1, д. 207, л. 3–4.

Успешно зарекомендовала себя и такая форма общественной и культурной жизни украинской интеллигенции в эвакуации в сотрудничестве с деятелями культуры других республик, как гастрольи и концерты ряда художественных коллективов. В Таджикистане выступали русский народный хор им. Пятницкого, Украинская хоровая капелла «Думка». В состав симфонического оркестра республики влился эвакуированный из Киева Украинский симфонический оркестр под руководством И. Брагинского и А. Климова, в репертуаре которого появились и произведения местных авторов — «Таджикский марш» Ф. Салиева, сюита «Дружба народов» А. Ленского и др. Только в октябре — первой половине ноября 1941 г. оркестр выступил с девятью концертами, которые посетили около 3 тыс. человек⁹.

Коллектив Харьковского театра оперетты осуществил постановку пьесы о Ходже Насреддине. Большим успехом пользовались спектакли харьковчан во время гастролей в 1943 г. в Хорезмской области. Всего в течение года артисты театра дали 32 утренних, 125 вечерних и 241 выездной спектакли¹⁰, что в значительной мере способствовало активизации общественной жизни.

Активное участие принимали мастера украинской оперной сцены в постановках спектаклей в среднеазиатских республиках. Так, в постановке Башкирским оперным театром оперы «Севильский цирюльник» были заняты, наряду с башкирскими исполнителями, ряд киевских артистов, в частности И. Паторжинский, З. Гайдай. Постановщиком спектакля был Ю. Смолич.

Не отставали от других отраслей искусства и украинские художники, часть из которых обосновалась в Таджикистане, где вошла в группу советских художников мастерской «Окна ТАСС», созданной в сентябре 1941 г. Только за два военных года (1941–1942 гг.) эта мастерская организовала семь выставок на военную тематику, в основном в помещениях призывных пунктов этой республики. А на выставке в Республиканском музее Таджикистана 22 июня 1942 г. было представлено около 100 работ¹¹.

Важной общественной и культурной формой сотрудничества была постановка совместными усилиями художественных фильмов. Так, в Ашхабаде были в эвакуации мастера кино Киевской киностудии художественных фильмов. Результатом совместной работы с Ашхабадской киностудией было создание фильма «Радуга» по сценарию В. Василевской.

⁹ Государственный архив Таджикистана, ф. 3, оп. 6, д. 867, л. 22; оп. 109, д. 179, л. 32.

¹⁰ *Король В. Е.* Указ. соч. — С. 45.

¹¹ Государственный архив Таджикистана, ф. 3, оп. 109, д. 204, л. 40.

По словам режиссера М. Донского, фильму «Радуга» придается значение как «Обвинительному акту против фашистских варваров». Сотрудники Ашхабадской студии оказали помощь своим коллегам в организации экспедиции для съемок в Семипалатинскую область¹². Главную роль в фильме исполняла Н. Ужвий.

Успешно решали проблему подготовки национальных кадров мастера кинематографии Москвы, Киева, Одессы. Деятельность таких признанных мастеров, как М. Бернес, А. Хвыля, М. Ромм, способствовала профессиональному росту работников узбекского кино — К. Ярматова, Р. Хамраева и др.

Большая работа по укреплению творческого содружества мастеров кино проводилась на объединенной Сталинабадской киностудии, которая была организована в ноябре 1941 г. на базе Центральной киностудии «Союздетфильм», Сталинабадской, а также Одесской и Ялтинской киностудий. В 1943 г. ее состав достиг 585 человек. Художественное руководство студией осуществлял С. Юткевич.

Благодаря совместной работе украинских работников кино с их коллегами из среднеазиатских республик, в 1942 г. в производство было запущено шесть полнометражных фильмов. Так, в октябре 1941 г. был рассмотрен сценарий В. Березинского «Поединок» (Одесская киностудия), ряд сценариев научных и учебно-технических фильмов студии «Киевтехфильм», имевших большое практическое значение для сельского хозяйства среднеазиатских республик. Совместными усилиями были подготовлены также ряд сценариев о местной тематике: «Узбекистан», «Красная Армия в народном творчестве Узбекистана», «Колхозники Узбекистана — фронту» и др.¹³ А всего за годы войны советскими киностудиями было выпущено 400 номеров «Союзкиножурнала», 65 — журнала «Новости дня», 24 — «Фронтového киновыпуска», 67 короткометражных и 34 полнометражных картины¹⁴.

Важнейшим направлением деятельности научных учреждений, вузов и культурных организаций в этот период было оказание помощи Красной Армии. Так, коллектив Киргизского мединститута, в составе которого работали Второй харьковский мединститут и Харьковский стоматологический институт, собрал в пользу Красной Армии около 400 тыс. руб.¹⁵

¹² Государственный архив Туркмении, ф. 437, оп. 1, д. 20, л. 1–2.

¹³ Государственный архив Узбекистана, ф. 58, оп. 17, д. 900, л. 74, 84–85.

¹⁴ *Король В.Е.* Указ. соч. — С. 68.

¹⁵ *Манавев Э.* Подготовка кадров интеллигенции в годы Великой Отечественной войны // Вопросы истории Коммунистической партии Киргизии. — Фрунзе, 1971. — Вып. 7. — С. 225; Государственный архив Киргизии, ф. 539, оп. 1, д. 1079, л. 49.

В январе 1942 г. объединенные Ашхабадская и Киевская киностудии начали сбор теплых вещей для Красной Армии, в апреле они же поставили вопрос о «Государственном военном займе», в мае — «О помощи Красной Армии» и т. д.¹⁶

Таким образом, суммируя вышесказанное, украинская интеллигенция вошла в тесный контакт с представителями среднеазиатских республик, в результате они переняли, а также поделились культурными традициями, что пошло на пользу обеим сторонам. Так, кроме произведений на военную тематику очень часто присутствуют национальные мотивы в организации тыла Советского Союза.

Необходимо также отметить, что настроение украинской интеллигенции, в отличие от работников культуры и искусства других республик, было двойственное. Ряд представителей украинской интеллигенции еще в начале войны уже был настроен на поражение Советского Союза, так как они не хотели больше жить при советских порядках. Пораженческому настроению способствовали также и условия подготовки Красной Армии, в особенности командного состава, к ведению современной войны, оборонительных боев. Ведь нельзя было скрыть от народа массовые репрессии, недостаток вооружения. Украинский художник, работник «Укр-издата», Г.М. Пустовойт рассказывал на допросе (обвинялся в антисоветской и профашистской пропаганде, был арестован осенью 1942 г. в г. Саратове): «По дороге в Саратов из Воронежа (в начале июля 1942 г.), проезжая территорию военного лагеря в районе Борисоглебска, мы видели обучающихся молодых бойцов с деревянными винтовками, а также и танками. Я, Пустовойт, Кружков, Кобелецкий... стали посмеиваться и саркастически заявляли, что можно ли таких вояк, которые учатся с деревяшками, противопоставить немецкой армии?»¹⁷ Такие же настроения были и в первый период войны, при массовом отступлении советских войск: «Обсуждая создавшееся положение на отдельных участках фронтов, расценивали это положение как угрожающее. Сомневались в возможности дальнейшего сопротивления Красной Армии и считали реальной окончательную победу в этой войне на стороне немцев»¹⁸.

Все недостатки советского строя, перегибы в политике, особенно геноцид украинского народа в период проведения коллективизации, стали на повестке дня в начале войны. Из-за плохой информированности, а в большинстве случаев из-за принятия желаемого за действительность не-

¹⁶ Государственный архив Туркмении, ф. 166, оп. 1, д. 24, л. 4, 36, 50; ф. 437, оп. 1, д. 20, л. 87.

¹⁷ ЦДАГОУ, ф. 1, оп. 23, д. 122, л. 25.

¹⁸ Там же, л. 27.

которые украинские деятели, в том числе и из интеллигенции, верили в то, что Германия принесет свободу народу Украины и позволит построить новое, демократическое украинское государство. Так, вышеупомянутый Г. Пустовойт вспоминал: «Ласовский (львовский художник. — *В.К.*) явно радовался начатой войне немцев против СССР, о чем он не скрывал в своих разговорах с нами (Пустовойт и киевский художник Попенко. — *В.К.*). Он заявлял, что немцы обязательно разобьют советскую армию. Он саркастически заявлял о том, что советская власть не сумела навести на Украине необходимые порядки, а немцы, хоть многое и вытянут, но зато порядок наведут. Ласовский настоятельно предлагал мне и Попенко остаться во Львове при немцах и заверял нас, что нам, как украинцам, от немцев не будет никакой угрозы»¹⁹.

Позже, находясь в эвакуации, этот же Г. Пустовойт в разговоре с другими говорил: «Я уверен, что наши украинцы никак не жалеют о том, что избавились от большевиков. Как бы хотелось взглянуть на родную землю... от нашей затхлости душа кружится, хочется туда, в родной край». В этом же духе высказывался и другой киевский художник А. Я. Рубан, который также был арестован осенью 1942 г.: «Работая художником «Укриздата», сначала в Воронеже, а потом в Саратове, мне приходилось там встречаться, а потом и жить в одном общежитии с работниками издательства... В июне или июле месяце 1942 г., находясь в Воронеже, в одной из бесед с украинским поэтом Малышко, затрагивая судьбу украинского народа, я высказал ему свою антисоветскую мысль, заключающуюся в том, что на всем протяжении истории Украина служит материалом, из которого высасывают соки то Польша, то Россия. В связи с чем украинскому народу неплохо будет и при немцах.

Проживая в общежитии совместно с Рахубовским, Кружковым, Кругановым, Рубаном и Кобелецким, мы часто обсуждали с антисоветских позиций вопрос, каким должен быть СССР после войны... Второй человек, с которым я вел антисоветские пораженческие разговоры — украинский поэт Стельмах, проживающий сейчас в Уфе, где он работает в доме Красной Армии»²⁰. Тут необходимо отметить, что эти разговоры Рубан вспоминал на допросах в НКВД, то есть элементы принуждения здесь присутствуют. Но арестованы были как Г. Пустовойт, так и А. Рубан за намерение перейти на сторону противника, то есть на оккупированную территорию, а не за антисоветские разговоры, за которые тогда можно было пересадить большую часть украинцев, да и представителей других национальностей, работающих в тылу.

¹⁹ Там же, л. 16.

²⁰ Там же, д. 320, л. 10–11, 14.

При этом у этой же части украинской интеллигенции не было сомнений по поводу отношения немцев к представителям советской власти: коммунистам, комсомольцам, активистам и т. п. Надеясь на лучшее отношение немцев к украинцам, они старались отгородиться от коммунистической партии, от ее деятельности, ровно как и карательных органов. Так, на допросе художник А. Рубан рассказывал про то, как уничтожал еще в Киеве все компрометирующие его и семью материалы: «Зная, что немцы жестоко расправляются с коммунистами и комсомольцами, я решил уничтожить у себя дома абсолютно все, что, по-моему, могло бы послужить компрометирующим мою семью в глазах немцев. В частности, я сжег до 100 штук своих гравюр и рисунков на советскую тематику, официальную переписку с рядом советских учреждений, грамоту, полученную мною от Шевченковской юбилейной комиссии, все портреты руководителей партии и советского правительства и комсомольский билет сына»²¹. С этой точки зрения следует рассматривать и сообщение Г. Пустовойта о непричастности к советской пропаганде: «Когда я ехал из Уфы в Ворошиловград, я читал газету «Правда», где было напечатано антифашистское воззвание украинской интеллигенции к народам оккупированной немцами Советской Украины. Под этим воззванием я прочел свою фамилию, я этим фактом возмутился и выразил свое недовольство, боясь, что моя подпись станет известна немцам и могут последовать репрессии к моим родственникам со стороны немецких властей»²².

Как показали события Великой Отечественной войны, в особенности функционирование нацистского оккупационного режима, массовые расстрелы евреев, украинцев, цыган, коммунистов и некоммунистов, националистов и просто рядовых украинцев, ошибались украинские националисты, в том числе и пронемецки настроенная советская украинская интеллигенция, по поводу окончательных целей гитлеровской Германии по захвату украинской территории и судьбы украинского народа, в том числе и средств достижения этих целей.

Вышеупомянутые украинские художники не виноваты в том, что они жили в Советском Союзе, а хотели жить в нормальной своей украинской стране. В этой связи хочется привести слова Г. Пустовойта, сказанные им еще до допроса, в кругу таких же, как он: «Какой-то рок тяготеет над нашим народом. Украина никак не может вырваться, освободиться из страшных «дружественных» объятий братского русского народа. Целые столетия Украина стонет в этих объятиях, дышать не может и никак не может освободиться. В этом трагедия нас, украинцев. Война вызвала не-

²¹ Там же, д. 122, л. 15.

²² Там же, л. 25.

вые надежды на освобождение в сердце каждого украинца. Но что мы видим? Украина залита кровью. Украинцев истребляют и немцы, и большевики. Украинцы первыми полегли в боях за большевизм. Мужское население рассеялось по всей России, интеллигенция разбрелась на два лагеря. Как же и с кем строить украинское государство?»²³ Как видим, он понимал политику немцев. «В беседе с Воскресенко, — вспоминает Г. Пустовойт, — я как-то говорил, что никому из народов не вышла такая тяжелая доля, как украинскому. Много его уничтожают на фронтах немцы, а если удастся Красной Армии прогнать немцев и восстановить советскую власть, то будут карать тех, которые остались, и украинское население будет уничтожаться больше, чем при немцах»²⁴.

Такими были характерные особенности культурной и общественной жизни украинской интеллигенции в эвакуации. Естественно, нельзя сказать, что в силу ряда причин значительная часть украинской интеллигенции, в частности художественной, осталась на оккупированной территории. Там было 28 концертно-эстрадных групп, выходило 150 газет и журналов и т. д. Только в Киеве остались жить многие деятели украинского искусства: С. Тобилевич, М. Малиш-Федорець, П. Коваленко, И. Кавалеридзе, И. Сагатовский, Г. Ярошевич-Манько, П. Билоконь, М. Тинский, Т. и И. Садовские, И. Ненюк, Д. Нарбут, Ф. Кричевский и многие другие. В Харькове, а потом в Полтаве работал и жил в тех условиях и известный украинский оперный певец Б. Гмыря, которого потом незаслуженно обвиняли в том, что остался на оккупированной территории и якобы пел Гитлеру. Сопоставление деятельности украинской интеллигенции на разных территориях с разной властью, отношение ее к военным событиям — одна из проблем исторической науки.

²³ Там же, д. 320, л. 3.

²⁴ Там же, л.18.